

Леонтий Красильщиков (Леон Красов)

ШКАТУЛКА ВОЛШЕБНИКА

18+

Леон Красов

Шкатулка волшебника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721509

SelfPub; 2019

Аннотация

Автор родился в 1950 году в городе Омске, в Израиле с 1990 года. В его жизни счастливо переплелись карьера врача и поэзия. В сборник вошли стихи лирические, философские и чуть-чуть магические.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

98

РАЕ-РАХЕЛИ

Жизнь прожита и начерно прошла.
Почистить малость по углам осталось.
И что когда-то ты во мне нашла?
Но что нашла, такое и досталось.
В дороге длинной много разных вех,
Развилок, тупиков и поворотов,
Но право, не вмещает целый век
Твоей любви без рамок и расчетов.

* * *

Мир праведным волнением томим,
Пытаясь избежать сомнений ложных.
О Господи, давай поговорим
О том, о чем поговорить возможно.
О женщинах, о детях, о еде,
О том, что день за днем как лошадь в мыле,
О странностях превратностей в судьбе,

И о тебе, кого давно забыли.
О том, как в снах заманчивых спешим,
На небеса взбираясь осторожно...
О Господи, давай поговорим
О том, о чем поговорить возможно.

«Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом – звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас.»

И. Кант

«Человеку принадлежат предположения сердца, но от Господа ответ языка.»

Книга притчей Соломоновых

Предисловие

Предисловия пишутся в силу ряда обстоятельств. Во-первых, принято, чтобы в знак уважения к книге и ее автору было высказано несколько добрых, а иногда и по-отечески критичных замечаний. Во-вторых, предисловие должно быть содержательным и объяснять коллизии жизненного пути автора. В-третьих, составитель предисловия спешит воспользоваться возможностью рассказать о своей причаст-

ности к автору, а заодно и о своих заслугах. И наконец, в четвертых, предисловие иногда превращается в замечательный литературный очерк, возможность творчества. А иногда и просто материальные интересы служат стимулом для написания.

Как ни забавно, предисловия написанные авторами преследуют те же интересы, чередуя парение искрометно-ироничного стиля с пафосом высоких материй. Вообще-то, стихи должны представлять себя сами. А посему ограничусь щепоткой информации. В конце концов, как говорила Фаина Раневская, актер может быть прекрасным человеком и никудышным актером, а может быть законченным мерзавцем, но актером замечательным. Поэзия – несомненно театр, как впрочем, согласно Шекспиру, и вся наша жизнь.

Итак, в качестве кого я выступаю на сцене? В 1967 году окончил школу и поступил в медицинский. Звездные годы учебы и карьера врача в течение вот уже 46 лет, да еще и в неотложной кардиологии. Семья, дети, внуки, все как у людей. Да, в 1990 году уехал из Омска в Израиль, сменил имя, освоил новый язык общения, да так и продолжил свою врачебную карьеру. Стихи писал всю жизнь, все собирался их опубликовать и решился наконец. А начав отбор, обнаружил, что хочу поведать лишь о двух вещах – Любви и Боге. И поскольку стихи писались в течение многих лет, не пытайтесь "проглотить" их за один присест, полистав страницы и сказав: "Ничего, но однообразно, а посему скучновато". Не

запихивайте книгу в дальний угол, а прикоснитесь к волшебству, по глоточку испейте музыку и магию слов, песню, сокрытую в глубинах стиха. Удачи!

И последнее. Короля, какой бы он ни вышел, делает свита. Позвольте мне воспользоваться случаем и поблагодарить своих соавторов – родных, близких, друзей, знакомых и весь мир.

С любовью. Автор.

* * *

На языческих кострах
Мы сожжем творенья наши
И смеясь развеем прах,
Власть испив из полной чаши.
И история начнет
Новый счет с нуля творенья,
И случайно упадет
Чей-то взгляд на откровенье,
Не успевшее сгореть
В тех кострах, где мы сжигали
Наше счастье гореть,
Наши боли и печали.

* * *

И этот свет и эта тьма
Сошлись от сотворенья мира,
И в бесконечности тома
Влилась божественности лира.
Амбициозность и игра,
Улыбки вольностей природы,
Явились явно не вчера,
Но не подсчитывают годы.
И сквозь беспечные века
Все та же вечная дорога,
Все та же звездная строка,
Тропа от Бога и до Бога.

* * *

Я живу в Израиле
На краю пустынь.
Замирает в мареве

Страждущий хамсин¹.

Нарушают правила

Мелкие штрихи,

Я живу в Израиле

И пишу стихи.

Дальними зарницами

Ночь знаменья шлет.

Звезды вереницами

Водят хоровод.

За горами-далями

Скрылась сердца стынь –

Я живу в Израиле,

На краю пустынь.

Светские приличия

Как-то не по мне.

Мания величия

Ныне не в цене.

К званьям не представлены

Праздники стихий,

Я живу в Израиле

И пишу стихи.

Я живу в Израиле,

Где небесный свод

Вдруг преображается

В буйный птичий сход.

¹ Хамсин – пустынный суховей

Здесь улыбки детские
Радостно легки,
Я живу в Израиле
И пишу стихи.

Я живу в Израиле,
На краю пустынь,
В небесах купается
Солнца рыжий джин,
Самоотпускаются
Прежние грехи,
Я живу в Израиле
И пишу стихи.

* * *

На дне давно разбитого бочонка,
Когда им становилось невтерпез,
Четыре черненьких чумазеньких чертенка
Чертили черными чернилами чертеж.
Они почти утратили надежду
Построить из бочонка светлый дом,
Но все чертили чертежи, как прежде,
И все искали счастье за углом.
И все мечтали завести котенка,

И все стремились обуздать галдеж,
Четыре странных маленьких чертенка,
Чернилами чертившие чертеж.

* * *

Волшебник по лесу бродил,
Да в нем невзначай заблудился,
Шкатулку свою обронил,
И ларчик упал и разбился.
А твари лесные пришли
И взяли себе понемножку
Всего, что в шкатулке нашли
На память,
на час,
на дорожку.
Кто храбрость,
кто честь,
кто красу,
Сполна наигрались да бросили,
И выросли дебри в лесу,
И сладостно заплодоносили.
Волшебных плодов аромат
Тревожил пролетные стаи,

А краски взрывали закат,
А что было дальше, не знаю.
Но в каждом рожденном штрихе
То словом, то нотой, то знаком
Являются странности те
Что спали, сокрытые мраком,
В глубинах далеких веков
И в недрах неведомых далей,
И вырвались вдруг из оков,
И вдруг вдохновением стали.

* * *

В стремленье позолоту лжи отринуть,
Чтоб самому себе не в сладость лгать,
Скажи, готов ты просто сердце вынуть,
Так, просто, вынуть сердце и отдать.
С негодованьем отвергая сплетни,
Иль с упоеньем вспоминая день,
Не торопись судить чужие бредни,
Остановись.

И оглянись на тень.

* * *

Живя не чувствами,
 а представленьем,
Ты избежишь волнений и тревог,
Не испытав и сотой доли тени
Того, что гений предоставить мог.
И в лабиринтах праведного мира,
Пылясь на полках и при ярлыках,
Ты избежишь ругательства кумира,
Не вздрагивая нервно при звонках.
Ты избежишь невероятной боли,
Презренья обустроенных невежд,
Играя лакированные роли
Чужих желаний,
 образов,
 надежд.

* * *

И снова хмельною отвагой полны

Мистерии ночи и света,
Ликующим счастьем запойной луны
Рыдает влюбленное эхо.
Страшась обнаружить залогом утрат
Оскому увядших желаний,
Разбойное сердце внимает парад
Оброка надежд предсказаний.
Мой сон –
 безмятежная глыба, пока
Запретные маски прозренья
Возносятся в зыбком потоке греха
Пугливой игрой полутени.

* * *

Сквозь звезд золотые ресницы
Пронзает таинственный взгляд,
И кружат знаменья и лица
Как в сказке, вперед и назад.
Невидимый всадник крадется
В небесной неведомой мгле,
И сердце пылает и бьется,
Одно на бескрайней земле.
И сладкие сны звездопадом

К нему устремляют свой путь,
И большего счастья не надо,
Чем видеть небесную суть.

* * *

Жизнь откровеньем через край
Острее бритвы.
Не обращай свою печаль
В арену битвы.
День, вечность отыграв в раю,
Вернется снова.
Не обращай печаль свою
В арену слова.
И переламывая сталь
Приватной лести,
Не обращай свою печаль
В арену мести.

* * *

Воспаряешь ночами
И скрываешься в день,
Золотыми ключами
Отворяющий дверь
Нежной птахе рассветной,
Пряным ветрам пустынь,
Распустившейся ветке,
Окунувшейся в стынь...
В легких кружевах робких
Пробудившихся слов
Ты гуляешь по тропке
Ослепительных снов.

* * *

Когда уходит на покой
Зари завеса,
Преображая мир живой
В пространство мессы,
Когда объятья впопыхах,
Слова как стоны,
А свет, последний луч прервав,
Кладет поклоны
И обнажает небеса

Осколком боли,
Произнеси, закрыв глаза,
«О дольче доле».

* * *

Распускается веер мечты,
Необвенчанные венчаются.
Знаешь,
 души такой чистоты
В наше время почти не встречаются,
Знаешь,
 ветры лихих перемен
Вознесутся дождем созидания,
Знаешь,
 в дебрях забытых поэм
Есть еще острова ожидания.

* * *

Сны тропиночки припорошили,

Проявив великую милость,
Ты – единственное мое прошлое
Из всего,

что со мной случилось.

Не эффектная, не блестящая,
Жизнь такая, как получилась.

Ты – единственное настоящее
Из всего,

что со мной случилось.

Обжигаясь ветрами жгучими,
Жить мечтою не разучилась.

Ты – единственное мое будущее
Из всего,

что со мной случилось.

* * *

Мой путеводный парус
В тонущем свете дня,
Трепетный Нострадамус,
Звездный каскад огня.
Древних строений остов
В зарослях диких роз,
Мой заповедный остров –

Фея заблудших грез.
Солнечная улыбка
Ангелом на устах,
Нежности моей скрипка,
Тающая в руках.

* * *

Угаснет боль, утихнет ревность,
Падет последняя слеза,
Но нерастраченная нежность,
Как переспевшая гроза.
Она нависнет тяжким чревом,
Пылая адовым огнем,
Под задыхающим небом,
Над побирающимся днем.

* * *

Неясным чувствам внемля,
Господь из малых фраз

Создал большую Землю
И вместе с нею нас.
Создал моря и сушу
И видно неспроста
Вдохнул живую душу
В ожившие уста.
Но движимый смятеньем
Возвышенных надежд,
Бог обезличил тени
Добра и Зла одежд,
Смешал судеб обломки
И спрятал Третий глаз...
С тех пор души потемки
У каждого из нас.

* * *

Не покоряется река
Шальным ветрам.
Тебе протянута рука,
А дальше сам.
Тебе подставлено плечо –
Не медли час
Пока с надеждой обручен

Заветный шанс.
От перекупленных атак
Чего ты ждешь,
Когда в упор кто друг, кто враг
Не разберешь.
Миф ошельмован палачом
И обречен,
Но рвутся кони на рожон
Так горячо...
Не предъявляет счет река
Шальным ветрам.
Была протянута рука,
Пусть дальше сам.

* * *

На дальнем полустанке сойдя,
Увидишь, как вагоны мелькают.
В них ехали когда-то друзья,
А может и сейчас уезжают.
Разбросаны по миру моря,
Кипят весной цветущие дали,
И сокровенно пахнет земля,
Которой так давно не видали.

Роскошен кипарисов наряд,
Снежинки тают, только потрогай,
И бродит по земле листопад
Своею бесконечной дорогой.

День растеряешь, тропку кляня,
И снова в полустанок упрешься.
Все та же под ногами земля,
А все ж не та, когда разберешься.

И травы и цветы как в раю,
И солнце и луна как из рая,
Но все равно я землю свою
По небу и по звездам узнаю.

Беспечны тополя и поля,
Бездомны пустыри вдоль дороги,
И малая планета – Земля
Томится в безотчетной тревоге.

На дальнем полустанке сойду,
Полслова оброню на прощанье
И по тропинке, словно в бреду,
Бреду сквозь слезы и расставанья.

Душа устанет страстью играть,
Покорно смежит крылья на плахе,
Но тщится память жизнь удержать
Заплатою на рваной рубахе.

В небытие уходит стезя,
Поют в молельне «многая лета»,

* * *

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

В этом театре навета
Приму стесняет статист,
Свет похищают тенета
Выцветших рваных кулис,
Плачет оплывшей пластинкой
Позавчерашний тапер,
Запрещены поединки
Во искупление ссор.
Но за рутинной убогой
Ярая синь,
Но над разбитой дорогой
Звездная стынь,
Пляшут снежинок мгновенья
В ветрах-веках,
Множит судеб искушенья
Жизни река.
Боже, всесильный, всегдашний
Мне предреки
Нежно коснуться озябшей
Этой руки.

В выси твои ввергая,
Боже, творец,
Не прерывай дыханья
Скрипок сердец.

* * *

Свет.

Солнечный туман скрывает мир.

И в каждом блике

рыцарский турнир.

И в каждом вздохе

святость визави.

Но что Вы понимаете в любви.

Ночь. Звезды.

Сокровенная страда.

Весь мир к ногам

за призрачное «Да».

Любое «Да».

Лишь «Нет» не говори.

Но что Вы понимаете в любви.

Потоп великий.

Засуха. Слова.

Средь жадных фраз

Вы сдержаны едва.
Смятенье чувств.
Блаженства соловьи.
Но что Вы понимаете в любви.
Ожогом слез оплавленный песок,
Забывчиво распущенный висок.
Бесчестие измученной крови.
Но что Вы понимаете в любви.
Вулкан любви -
озноб библейских трав.
Запретный спор желания и прав.
Восторг предвосхищенного пари.
Но что Вы понимаете в любви.

* * *

Когда, в предвкушении сладком,
Искрится безумная ложь
И рушатся мира порядки,
Ты все же еще не живешь.
Когда изнемогшие нервы
Рыдают бессильем хмельным,
И страстный порыв опровергнут
Плевком откровенно шальным,

Когда искривленной усмешкой
Встречают участие губ,
И судьбы встревоженной пешки
Бросают в забвения сруб,
Среди суеты неотложной
Пребудут счастливые дни,
Но память изгнать невозможно,
И жизнь будет смерти сродни.
Как вдруг за бравадой натужной
Прорежется таинства лес,
Надежда звездой послушной
Коснется раскрытых небес,
Судьба истомится отрадой
Бескрайнюю даль бередя...
И будет все точно как надо.
И кто-то полюбит тебя.

* * *

Костра дотлеет уголек,
И горько-приторный дымок
Развеет долгие века
Очарования греха,
Где сумасбродство

за порыв,
Беспечность
за невинный срыв,
Следы помады...
Как неприкаян белый свет,
Как ненадежен блеклый след
Шахерезады...
Есть много милосердных дам,
Да мало чести по углам
Ломиться в двери...
Твой искупительный испуг
Лишь искус извращенных слуг,
Себе не верю...
Пустых затей ненужный хлам
Растащат гости по столам,
Вино распито...
Но этот блеск влюбленных глаз,
Озноб греха, бессвязность фраз,
Бокал разбитый...

* * *

А звездные вадии
пролегают в пустыне,

Высокого неба вади,
Над ними луна
 одинокко стынет
С тоской в полуночном взгляде.
Незримый шакал
 стороной крадется,
Мышь чуть шебуршит в тревоге,
И сердце
 в отчаянной схватке бьется,
Почуяв тень у дороги.
И странны поступки свои отныне,
И потуги хлеба ради,
Ведь звездные вади пролегают в пустыне,
Высокого неба вади.

* * *

Вселенские правила – вздор
Отвергнутой сплетни в исподнем,
Пусть вспыхнет вселенский позор,
Но завтра, а нынче – сегодня.
Пусть грянет вселенский палач,
Проснется вселенская слякоть,
Но завтра.

А нынче не плачь,
Придет еще время поплакать.

* * *

Соблазнам памяти
Огня недоставало.
Обрывков призрачного дня
Казалось мало.
Свет занимался в зеркалах
И тень царапал.
И горечь стыла на губах.
И ангел плакал.
А мысли обнажали строй
В пустой надежде.
И таял ангел за спиной
Почти как прежде.
Над бездной плыли облака.
Миг счастье прятал.
И продолжалась жизнь.
Пока.
И ангел плакал.

* * *

Влюбленность – сладкий фимиам –
Легко играет с нами,
Любви не нужен слов обман,
Она полна словами.
Она взмывает в синеву
И просветляет лица,
И сквозь небесную канву
Так хочется влюбиться.

* * *

Опьяневший березовый лес
Заблудился в предутреннем сне...
Этот бархатный воздух небес...
«Шаганэ ты моя, Шаганэ».
Витьеватый восточный оскал,
Сквозь вуаль поцелуй при луне...
Обнажает соперник кинжал...
«Шаганэ ты моя, Шаганэ».

Хоровод фантастических див,
Шаганэ ты моя, Шаганэ,
Растворился в глубинах твоих,
Сладко мне, Шаганэ, сладко мне.
Я объятий своих не разжал,
Шаганэ ты моя, Шаганэ,
И ликует небесный хорал,
Страшно мне, Шаганэ, страшно мне.
Тает страстию северный лед,
Шаганэ ты моя, Шаганэ,
Все мирское придет и пройдет,
Больно мне, Шаганэ, больно мне.
...Нежен лунно-березовый лик,
Отраженный в раскрытом окне,
И хохочет безумный старик:
«Шаганэ ты моя, Шаганэ».

* * *

Роса вспорхнула, обратясь
В умытый звездами подсолнух,
И золотистый шмель, смеясь,
Рисует вечности автограф.
Я замираю на бегу,

А тени приближают полдень,
Бежать как прежде не могу,
Тепла застывшего исполнен.
Но сквозь томительную лень
Все ж проступают понемногу
И этот шмель,
 и этот день,
И эта звездная дорога...

* * *

Звезда все падала и падала
Небрежной искрою упрека,
Отринутая бездна плакала
В бессилье ревности пророка.
Отчетливо запахло ладаном,
Пасьянс ложился неудачно,
Звезда все падала и падала
Обетом тайного безбрачья.
Теснилось небо праздным табором,
Но призрачною недотрогой
Звезда все падала, все падала
Своей единственной дорогой.

* * *

То буйной кавалерии потоком,
То магией гармонии без правил,
Доступна всем немислимым порокам,
Беспечно целым светом

нежность правит.

Пусть эфемерно нежности пространство,
Пусть беспощаден вихрь непостоянства,
Пусть враг предстанет в нежности как друг,
Но это – нежность вздоха,

нежность рук...

Иллюзии уходят без возврата,
И наступает жесткая расплата,
Но нежностью посеянные зерна
Из пепла пробиваются упорно,
И сокрушают звездные пределы
Архангелы любви,

надежды,

веры.

* * *

Ночные призраки нежны,
Скрипичный сон раскрыл страницы,
Плывут сонатные княжны
Сквозь захмелевшие ресницы,
Исполнен мир заветных слез,
И пусть несбыточны надежды,
Но предвкушенье лунных грез
Как лес предснежный без одежды.

* * *

Среди нехоженой травы
Пустых надежд и обещаний
Крадутся солнечные львы
Безумьем солнечных желаний,
И не вдаваясь в суету
Торговли мелочно-порочной,
Вбирают каждую мечту
В своей охоте одиночной.

В них непонятные стихи
И недоступные объятья,
В них непрощенные грехи
И непорочные зачатья.

Переступая сквозь порог
Немых запретов строгих таин,
Львы сводят выступы дорог
В потоки солнечных окалин.
Сгорает вечер, но в ночи,
Сквозь звездные тысячелетья,
Упрямый лев все так же мчит
Знаменья солнечных соцветий.

Ломя правила игры,
Не чтя холодные законы,
Струятся пламенные львы
Сквозь крыши, окна и балконы,
Сквозь непрощенные грехи
И непорочные зачатья,
Сквозь непонятные стихи
И недоступные объятья.

* * *

Я укутаю тебя

в звездное покрывало,
Выстелю ложе
из пляшущих васильков,
И чтобы голубка
забывчиво бормотала
Над гнездом,
выросшем в стыке веков...
А ветра проказливо
заигрались с прядью,
В траве незримо
хихикали муравьи,
И луна ускользала
из туманных объятий
В суетливом беспамятстве
тайной любви...
Я укутаю тебя
в звездное покрывало
И задам тебе
вечный вопрос...
А ты улыбнешься
одними глазами,
Не замечая,
что сейчас между нами
Только звезды,
и ничего кроме звезд...

* * *

Росчерк молнии лазурным шлейфом
В небеса твое возносит имя,
Белый танец истомленной флейты
Опадает всхлипами живыми.
В этом танце страстность серенады,
Нежность дуновения луны,
Все мирские слезы и бравады
Странно в этом танце сплетены.
Этот танец ливнем шалым льется,
И струится талою водой,
И рыдает бездна, и смеется
Над извечным страхом пред собой.

* * *

Не ведаю, но знаю, что люблю,
В нелепом ожиданье бурной страсти,
А сердце разрывается на части
Как парус, что не нужен кораблю.

А слезы проступают по ночам
То страхом, то беспомощным гаданьем,
И заполняют мир живым страданьем,
И не внимают праведным речам.
И вновь я по ушедшему скорблю,
Стремясь постигнуть откровенье счастья,
В неведенье, что я тебя люблю
Со всею силой бесконечной страсти.

* * *

Я вряд ли посвящу тебе сонет.
Беспечность в звездном часе заигралась,
Когда с луной случайной целовалась
И ненароком превзошла запрет.
Я вряд ли посвящу тебе сонет.
 Когда ты улыбнулась невзначай,
 Ледок вокруг меня слегка подтаял.
 Отчаянье – беднейшее из правил,
 И ты его в других не привечай,
 Когда ты улыбнулась невзначай.
Когда ты улыбнулась невзначай,
Ложь отпустила только на мгновенье,
Но этого мгновения волненье

Бессильем обжигающего гнева,
Лишь льется надо мной
и вдалеке

Все то же
Небо,
Небо,
Небо,
Небо...

* * *

Призрак любви
отманил и угас
Счастьем.
Нежность увязла
оскомой в зубах
Страсти.
Искренен нищий,
улыбчив слепой
В страхе.
Бал отменен
и упущен запой
Драки.
И заступают

в шальной передел
Вести.
И преступают
коварный предел
Чести.

* * *

День отступил за перелом,
А ночь еще не просыпалась,
За каждым взглядом и углом
Сквозит покорная усталость.
Звезд обнаженных высота
Едва прикрыта света маской,
И лунных песен красота
Манит к себе запретной лаской.

* * *

Перевернутой картиной
Не любят, но всё ж

Сквозь опалины патины
Проступает красок дрожь.
На изнанке лучше видно
Каждый шов и каждый шрам,
Перевернутой картиной
Не любят, мадам.
На неё глядят с усмешкой
Как на опустевший сон,
Несуразной головешкой
Преступающий закон.
Но оркестр заиграет
Славословья властный рык,
И картина обретает
Благонравия ярлык.
И шедевром, как ни жалко,
Упиваются сполна
То заброшенная свалка,
То дворцовая стена.

* * *

Неведомы любви границ химеры,
Любовь нисходит потрясеньем веры
В безудержность на грани безрассудства

И преданность за гранью предассудства.

* * *

Когда исчезает октябрьский зной,
Завесу дождей вдоль дорог расправляя,
Внезапно повеет далекой весной
Забытого года незримого края.
Не зябнут березы, разлуку суля,
Не спяно рек обмелевших движенье,
Но так же дрожит под ногами земля
Моим притязаньем,

твоим отраженьем...

Когда исчезает октябрьский зной,
И звезды становятся
выше и краше,
Невольно запахнет ушедшей весной
На улице вашей и улице нашей.
Безумные губы терзают свирель,
Охрипшие ноты

звучат незнакомо,

И тень убегает сквозь шаткий апрель,
Подальше от дома,

подальше от дома.

* * *

Веселой музыкой кино
Мир воспаряло, возносило...
А мы не те уже давно,
За все прости, за все спасибо!
И что осталось позади,
Что пережили, не допели,
Оплатят поздние дожди,
Оплачут ранние капли.
Они сумеют воскресить
Тот поцелуй нетерпеливый
И шепот наш: «За все прости,
За все прости, за все спасибо!»

* * *

Подремли еще чуть-чуть,
Улыбаясь ненароком,
Не спугни заветный луч

С просыпающихся окон.
Не топорщит складок губ
Позабытая тревога,
Под струение секунд
Отдохни еще немного.
День пока закрыт на ключ,
Все вокруг так одиноко,
Подремли еще чуть-чуть,
Отдохни еще немного.

* * *

А правда чистой не бывает,
В ней чья-то совесть пребывает,
И чей-то страх, и чья-то боль,
И кем-то сыгранная роль.
И чьи-то треснувшие губы,
И те слова, что были грубы,
Излом запястья, дождь в ночи
Мольбою

-Только не молчи.

И перевернутые судьбы,
И опровергнутые судьи,
И Божьей искры простота,

И показная пустота.
Нечистый кружит средь прогалин,
А путь судьбы,
 увы, протален,
И правдой стелется стезя,
С которой отступить нельзя.

* * *

Загадка женщины -
 соблазн,
Что нас к греху приводит.
Обворожительный туман
По сердцу колобродит,
И неразумные мечты
Роятся звездной пылью,
И просыпаются мосты
Меж сказкою и былью.

* * *

Сопоставима со случайным всплеском,
Иль золотым осенним перелеском,
Иль паутинкой на лице твоём.

* * *

Во мне живут
 таинственные духи,
Шаги, надежды,
 запахи и звуки,
Дух снисхожденья,
 жесткости, обиды,
Дух Чингисхана
 и царя Давида,
Дух откровенья,
 скрытности, упрямства,
Дух вдохновенья,
 ротозейства, хамства...
И хороводят духи
 беспокойно...
Я их возню
 переношу достойно,
Я создал их,
 хотя и создам ими,

Я этот мир прошедшего
отныне,
И сквозь меня
они спешат в беспечность
И из небытия
уходят в вечность.

* * *

Когда б ни душила тоска
Мучительным смехом иронии,
Когда б продолжалась доска
Игрой цирковой какофонии,
Когда б ни срослись времена
Запретов, к чему-то причастных,
Когда б ни звучала струна
Для судеб, продажно пристрастных,
Когда б ни обрыв поперек,
А вдоль бесконечности штолен,
Я б тоже наверно изрек,
Что мир
слишком просто устроен.

* * *

Я игрушка,
 которую трогать не надо,
Я иного покроя,
 иного расклада,
И из теста иного,
 и выделки старой,
Из забытого слова,
 из песни усталой,
Из запутанных снов,
 из тревожного взгляда...
Я игрушка,
 которую трогать не надо.

* * *

Где сон, где явь,
 уже не разобрать,
На гранях яви
 пляшут привиденья,

Огонь остыл,
но закипает гладь
Воды,
не находящейся в движении.
Средь сфер исчезновения миров
Мы нищи в понимании Вселенной,
Лишь тайное видение богов
Незримо источает дух нетленный.
Мы страждем,
отрекаемся, зовем,
Но голос тает в мраке бесконечном,
И непонятен мир,
где мы живем
В наивном представлении о Вечном.
Огонь остыл,
но закипает гладь,
Где сон, где явь, уже не разобрать.

* * *

Пресыщен воздух
нежностью ночной,
И мир
над этой нежностью не властен,

И поиск
 заблудившегося счастья
Сам заплутал
 среди полночи хмельной.
Пропитан воздух негой,
 опьянен
Безумием
 волшебных сновидений,
Забвением
 вчерашних заблуждений,
Ошеломленьем
 будущих времен.
А нежность
 замирает на устах,
И сказка,
 сочиненная украдкой,
Вдруг предстает
 неведомой загадкой,
Затерянной
 в пустынях и веках.
Но пустота
 сгущается в ночи,
Лишь птица запоздалая
 кричит.

* * *

День еще
 не совсем распался,
Ночь в права
 еще не вступала,
Почему-то
 нагой остался
Я в преддверии
 перевала.
Стылый ветер
 скрепляет в стену
Гнев дождя
 и снегов безумье,
Обнажая
 немую сцену
Бесконечных
 пустот безлунья.
И укутавшись
 чьей-то тенью,
Сквозь сомнения
 и запреты,
Я устало
 бреду по сцене

Обреченных дорог планеты.

* * *

Ты жаждешь правды –
 обернись,
Нет в мире правды злее,
Она вонзает зубы в жизнь,
Чем глубже, тем смелее.
Ты правды жаждешь,
 а она
Давно другим испита,
Испита с жадностью, до дна,
И заново прожита.
Ты жаждешь правды-
 так сполна
Отбрось пустые бредни
И средь оборванного сна
Прими свой час последний.

* * *

Сквозь звезд золотые страницы
И бездн неподвижности сталь
Летит колесница зарницы
В заветную дальнюю даль.
И тайна небесного счастья
Известна зарнице давно,
И кажется мне, что причастен
Я к тайне частицей одной.

* * *

Сквозь обнажение огня
И трепет стали
Летела стая на меня,
Летела стая.
Через откровения и сны,
Через запреты,
Смятенья будущей весны
Храня секреты.

Наивность строила мосты
Через надежды,
И ночь устроила посты,
Сорвав одежды.
Но непреклонностью маня,
Вновь прирастая,
Летела стая на меня,
Летела стая.

* * *

Когда наступит время умирать,
Рядом с тобой
 будет сидеть кошка.
Но это будет
 совсем не та кошка,
Которая была рядом с тобой
Когда ты родился.
А за окном
 запоеет птица.
Но это будет
 совсем не та птица,
Которая была рядом с тобой
Когда ты родился.

И вокруг
 столбятся люди.
Но это будут
 совсем не те люди,
Которые были рядом с тобой
Когда ты родился.
Когда наступит время умирать,
Взойдет солнце.
И это будет
 то самое солнце,
Которое было рядом с тобой,
Когда ты родился.
Когда наступит время умирать.

* * *

Где-то
 в далеком солнечном просторе,
То замирая, то маня,
Музыка света, музыка моря,
Музыка ветра,
 музыка тебя.
Сквозь искрометность,
 легкость, беспечность

В ночь уплывают, нас пьяня,
Музыка-птица, музыка-вечность,
Музыка-счастье,
музыка тебя.

В небе резвится
месяц-повеса,
Звездной сонатой струятся в даль
Музыка моря, музыка леса,
Музыка ветра,
музыка-печаль.

Солоны губы,
иссохшие в страсти,
Шепот прибоя – слова твои
Музыкой ветра, музыкой счастья,
Музыкой моря,
музыкой любви.

За горизонтом
тают зарницы,
День проступает сквозь века
Музыкой ветра, музыкой птицы,
Музыкой сердца,
музыкой стиха.

* * *

У каждого мгновенья
жизни срок
Очерчен беспощадно и навечно,
Вселенная
безмерна и беспечна,
Но ограничен воспрятья шок.
И струн души
шальная благодать,
И мнимая гармония вселенной
Пытаются бессмысленно связать
Суть страсти,
что лишь кажется нетленной,
Суть преисподней,
что одна верна
Неверью низверженья с пьедестала,
Суть откровенья
жизненного дна
В моленье запредельного устава.
Но мир внезапно озаряет рок,
И неподвижность
переходит в вечность.
У каждого мгновенья

жизни срок,
И все же срок мгновенья –
бесконечность.

* * *

Сквозь неразгаданные тайны
В небытие ушедших лет,
Воспоминанием нечаянным
Весны далекой нежный свет.

Коварство

в виде милосердия,

Злодейство

в маске бунтаря,

И ощущение бессмертья

Грядущего календаря.

И паутинки неустоек,

И разногласия сторон,

Пророк

еще отнюдь не стоик,

Порок

еще не осужден.

И откровением прощанья

Почти угаснувших костров,

Забытых голосов звучанье
В биении колоколов.

* * *

Как хромосома,
 свернута в спираль
Вселенная в загадке мирозданья,
Дана нам
 бесконечность созиданья,
Но не дана вселенская мораль.
Стремясь принять
 значение основ
В предназначеньях, ложных изначально,
Теряем нить,
 как это ни печально,
В бессмысленном потоке мудрых слов.
Мы прячемся
 в порывах доброты
И ищем в ней успокоенья благодсть,
Но в щедрости душевной
 не осталось
Природы изначальной чистоты.
Мы безуспешны в поисках корней,

Что растворились в суматохе дней.

* * *

В обнажении основ
Сна, сошедшего лавиной,
Вдруг вскипят в потоке слов
Страсти древности былинной.
Тот же странный календарь
Лун смещений и игралищ.
Непогашенный фонарь...
Как ты многого не знаешь.
Непомерен рабства строй.
Сокрушенные надежды.
Кто ты, вовсе не герой,
Но восставший над невеждой?
Сквозь препоны и века
Шум борьбы и блеск пожарищ,
И оборвана строка...
Как ты многого не знаешь.
В отраженьях прошлых лет
Память иррациональна,
Нет в ней дат, и фактов нет,
Все расплывчато-скандально...

Мысли предков, страха стон ...
Смерть и время не обманешь.
Уважительный поклон...
Как ты многого не знаешь.

* * *

Когда рождаются стихи,
А их рождение невнятно,
Когда рождаются стихи,
Их пишет ангела перо.
Берутся в качестве чернил
Шальные солнечные пятна,
Берутся в качестве чернил
Разлуки горечь и перрон.
Пусть каруселью прочий фон
Бумажных ворохов и акций,
Пусть каруселью прочий фон
Страниц, охваченных огнем,
Когда рождаются стихи,
В них скачут солнечные зайцы,
Играет сказочный тромбон,
И звезды шепчут о своем.

* * *

Самое время
разбойного часа.

– Час –
отвечает строка.

Самое время
разбойного гласа.

– Глас! –
воскликает строка.

Самое время
разбойного смеха.

– Смеха –
хохочет строка.

Самое время
разбойного эха.

– Эха –
бормочет строка.

Самое время.
Разбой уже начат.

Ужаса вьется река.

Самое время...
И кто-то в нем зачат
В гуще войны и греха.

* * *

Пред страхом распростертый
Теней я слышу строй:
– Вначале выпей мертвой,
Потом возьми живой.
Не бойся и не кайся,
А сразу через край.
Ты в мертвой искупайся,
Живому цену знай,
И с прошлым расставаньё
С собою брать не смей,
А мертвое познаньё
Живой водой запей.

* * *

Осенний сад в процессе увяданья,
И желтый лист все более внизу,
Но вертится надежда в подсознание,

Нашептывая страстную бузу.
Еще скрываем глупые промашки,
Еще не ценим чьей-то доброты,
Еще жуем порою промокашки,
И топчем запоздалые цветы.
Еще дрова просохшие не колем,
И не приносим к печке на поклон,
И окна не заклеиваем в школе,
Не веря в отопительный сезон.

* * *

Звучали
 трубные минуты
Пьяня.
И уносило
 ветром лютым
Меня.
И свет
 неведомых открытий
Алкал,
И устремлялся
 тонкой нитью
В астрал.

Незримое
 сгущалось тенью
Межи,
И обрывались
 откровеньем
Во лжи.
И звезды
 обращались в путы
Средь дня.
И уносило
 ветром лютым
Меня.

* * *

То ль познанья
 постигается венец,
То ль тщеславие
 свободой ложной манит,
Чрез препоны
 понимания сердец
Наша искренность
 бессовестно лукавит.
Но ушедшее нам кажется ясней,

Без ужимок оскорбленного подвоха,
Может вправду
 мир становится честней
В сантиметрах от решающего вдоха.
Может вправду
 знаньем полнится ларец,
И Господь легко мои ошибки правит,
И исполнит обещанье наконец,
И тщеславия мне боле не оставит.

* * *

Вам совет да любовь
 да зеленые кущи,
Мне лететь в облака,
 распроставшись с Землей,
Почему-то прошедшее
 кажется лучше,
Вы, наверное, не согласитесь со мной.
Почему-то давно
 все являлось иначе,
Яркий свет,
 и вода, и песок, и трава.
Это выглядит странно,

И в неоконченном сюжете
Полунаброска
Растворена в ажурном свете
Краса неброско.

* * *

В вершинах молния ударила
Огнем безумным и беззвучным,
А в стеклах отразилось зарево
Изломом дрогнувшим и скучным.
Душа осталась равнодушною,
Ей не хватило взрыва света,
Все буйство красок ночью душною
Осталось там, в далеком где-то.

* * *

Мы попались
на удочку с яркой наживкой,
Зазвучавшую флейтой

в руках крысолова,
Мы пытались застрять
в отчужденной ужимке,
Мы пытались обрушить
значение слова.
Век огромен и мрачен,
каждый день в новой роли,
Каждый миг
озабочен проблемой своею,
Мы попались на удочку
страха и боли,
Страх слабеет с годами,
а боль все сильнее.
И внезапные судьбы
судьею ненужным,
И забытые крахи
блиставших формаций...
Мы попались на удочку,
словно на ужин,
Мы попались...
И боль...
И восторг папарацци...

* * *

Просыпается мир
 застывших форм
Золотистым сияньем скола,
Обрывается
 завтрашний горизонт
Непонятым значеньем слова.
Свет пытается
 границы отшлифовать
Сквозь бесформенные понятия,
Миг ломается,
 возродившись вспять
Через сомнения и объятья.
Жизнь прошедшая
 огоньком свечи,
Стылой звездочкой-одиночкой,
Торопливостью
 ста шагов в ночи,
Непогашенную отсрочкой.
Просыпается
 миф усталых форм
Бесконечностью снов крушений,
И кружение

обреченных фор
Не способно принять решение.

* * *

Ночная птица
 пролагает путь
Пунктиром
 через звезды в неизвестность
И нашу
 нерастраченную нежность
Уносит
 в неизведанную суть.
И тишина,
 нарушенная ей,
Воистину
 блаженна и безмолвна,
И прошлое
 заведомо условно,
Как будущность
 незавершенных дней.
А тьмы объятий
 тягостная жуть
Сгущает тени

сладостной аферы,
В которой
страстным отраженьем веры
Ночная птица пролагает путь.

* * *

А по утрам
он стоял на голове.
Непонятно зачем, но стоял.
А вообще-то
голов было две.
После стойки он их менял.
И пытался
в себе отыскать
Прямо к сердцу ведущую нить,
Чтобы
если придется страдать,
Не колеблясь ее заменить.
А по утрам
так хотелось летать,
И толпились
смешные слова...
Но мешали запретов печать

И вторая его голова.

* * *

Ночь опоила нежность
Пряной росой своей,
Мир погружен в безбрежность
Сквозь кружева теней.

Кружится мир воскресший
В танце забытых лет,
Страстно окутан в грешный
Звезд золотистый свет.

В небе луна, рисуясь,
С ночью вступает в спор,
Сквозь отголоски улиц
Кружит ночной дозор.

Кружится мир воскресший
В танце забытых лет,
Страстно окутан в грешный
Звезд золотистый свет.

Сквозь откровенья сказки,
Сквозь возраженья дня
Льются потоки ласки,
Нежностью слов маня.

Кружится мир воскресший
В танце забытых лет,
Страстно окутан в грешный
Звезд золотистый свет.

* * *

Уже аплодисментов шквал
Прощальной мессой зазвучал,
Воспринимая как аврал
Свой выход.
Риторика ушедших лет,
Которой оправданья нет,
И глаз твоих печальный свет
Средь рифов.
Бесцельно розданы долги,
И дни уже не так долги,
И не слышны уже шаги
В прихожей.
Но в несогласии с судьбой
Еще тревожит сна покой
Вдруг чей-то голос, так на твой
Похожий.

* * *

Седьмая тварь
 девятого числа
Разбудит силы скрытые стихии,
И годы вновь завертятся лихие,
Утратив обаянье ремесла.
И крепости извечные падут,
А падшие
 воспрянут в восхищенье,
И тварь седьмую
 тотчас предадут
Девятого числа от всепрощенья.

* * *

Непрошенный путник,
 зачем в непогоду
С крыльца своего ты спустился,
Зачем,
 обретя роковую свободу,

Но Вашу ложь я вечно буду помнить.

* * *

В бесчисленных мирах, где мне пришлось
Плутать по закоулкам запустенья,
Пустых сердец беззвучное биенье
Неведомой строкой оборвалось.
Чужие сны, сплетясь в осиный рой,
Меняли очертания Вселенной,
И воспаряли над душой нетленной
В ее привычной юдоли земной.
И чьи-то жаркие слова впотьмах
Кружили опьяненьем брэнной лени,
И куклами, игравшими на сцене
Их представленья о чужих мирах.
Но даже слова правды не нашлось,
Чтоб разорвать оковы отчужденья
В бесчисленных мирах, где мне пришлось
Плутать по закоулкам запустенья.

* * *

Если в ночной тиши
Видишь обрыва край,
Вырви кусок души
И беднякам раздай.
Выжги себя навзрыд,
Чтобы развеять прах,
Спрячь на задворках стыд,
Выставь за двери страх.
Пулю пусти в висок,
Предав сомненья суть,
Чтобы души кусок
В мире продолжил путь.

* * *

Еще рассвета первый робкий луч
Барахтается в бахроме небесной,
И лишь края оцепеневших туч
Вдруг вспыхивают теплотой телесной,

Еще дрожит застывшая листва,
А воздух неподвижностью опоен,
Еще черты прекрасны естества,
Не скрытые в глуби душевных штолен,
И сны на откровенья рубеже
Теряют смысл оборванного слова,
А сердце просыпается уже,
Чтоб замирать и возрождаться снова.

* * *

Над морем мгла пронзительно ясна,
И небосвод, разрезанный на доли,
Лишает время образов и сна
В своей обременительной юдоли.
Прозрачность струй все ярче, все сильней,
Но образы, рожденные привычкой,
Становятся отчаяньем теней,
Несовершенной прошлого отмычкой.
Все, что случилось, боле не умрет,
А утаившись, даст на завтра всходы,
И мгла над морем знает наперед
О бесконечье истинной свободы.

* * *

Крапленые карты вступали в игру,
А после опять тасовались.
Свои предсказания давали гуру
И связи времен обрывались.
И битая карта была высока,
А бившую ждало причастье.
И жадно тянулась чужая рука,
Пытавшая ложное счастье.
И тот, кто не видел крапленности карт,
Был счастлив обещанной встрече.
И царствовал алчный убийства азарт
В тянувшийся царствие вечер.

* * *

Заполнил смыслом жизнь и загубил,
Ни днем, ни ночью нет ему прощенья.
Зачем бокал хрустальный обронил
Когда-то на пороге обращенья.

Зачем встревожил покаянье душ,
Зачем небрежно подобрал и бросил,
Зачем на фотографии ретушь,
К чему несостоявшаяся осень...
Кому нужны бумага без чернил,
Случайных посиделок угощения...
Заполнил смыслом жизнь и загубил,
Ни днем, ни ночью нет ему прошения.

* * *

Ребенок не верит,
 что тоже состарится,
Он верит в судьбу и величие Бога,
Он твердо уверен,
 что случай представится
И будет открыта в бессмертье дорога.
Вселенные мнутся
 в неясностях прошлого,
Где время замкнуто в ушедшее разом,
Но хочется верить
 в величье хорошего
И в наш бесконечный Космический Разум.

* * *

Все становилось на места.
Печаль стирала пыль с открытий.
В тетрадь вносились вновь с листа
Давно забытые события.
Валялось старое письмо
И все цеплялось под ногами.
И становилось вдруг тесно,
Безбрежность мерилась шагами.
И искустель лепетал
Соблазнов праведные речи,
И лист с деревьев облетал
И все кружился недалече...

* * *

Урок не выучен,
но все же достоин.
Сомненьям место
огорожено и сжато.

Но восстает
 воспоминание простое,
Как отрицание всего,
 что было свято.
Небрежность прежнего мазка
 почти изжита,
В шеренгу загнан нотный ряд
 пустым аккордом,
И благодать праздника,
 что в воздухе разлита,
Победно реет над толпой
 в волненье гордом.
Беспечный луч вспорхнул с убогих колоколен,
И почему-то
 край небес скользит покато.
Урок не выучен,
 но все же удостоен.
Сомненьям место
 огорожено и сжато.

* * *

Он с небесами разговаривал,
То восторгаясь вслух, то плача.

Свои обиды выговаривал
И ставил новые задачи.
И не переставал надеяться
На безрассудную удачу,
С которою обязан встретиться,
Чтоб все сложилось вдруг иначе.
Молитвы называл он жизнью.
Жизнь незаметно проходила.
Усилия казались лишними,
И кровь в замерзших жилах стыла.
Охвачен чудесами книжными,
Спешил молитвою согреться,
И небеса
 казались ближними,
И свет с них
 лился прямо в сердце.

* * *

Белый ферзь
 в окружении алых роз,
Черный ферзь в окруженье белых,
И мечты
 отголоском далеких грез,

И незнание шальных и смелых.
Мир разорван
на войны и на века,
Континенты, костры, народы,
Обернется
незримых времен река
Обретеньем чужой свободы.
Доброта
идеальна в развалах книг,
Но жестока в жизни реальной,
И стремится
старательный ученик
Разгадать ее злые тайны.
Но встречают
вопросами на вопрос,
Убивая шальных и смелых,
Белый ферзь
в окружении алых роз,
Черный ферзь в окруженьи белых.

* * *

Огонь чарующей любви
В душе горит неумолимо,

Пусть головокруженье мнимо,
Но неминуем взрыв крови
В огне чарующей любви.
Огонь пылающей любви,
Откуда он? Зачем пылает?
Как ненасытно обжигают
Слова заветные твои
Огня пылающей любви.
Огонь нечаянной любви,
Отчаянье и вдохновенье
До пустоты оцепененья...
Но возрождаясь, призови
Огонь нечаянной любви.

* * *

Он был зауряден, совсем не кумир,
Но как-то с первого взгляда
Взорвал ее сердца маленький мир.
Просто так было надо.
И сердце послушно пошло за ним
Не требуя и стесняясь,
А он то хмурился, то шутил,
На сердце не откликаясь.

То загорался, то сникал,
То звал, то чурался взгляда...
А сердце искало начало начал,
Просто так было надо.

* * *

БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ

Защемило в груди
 вопросительно сладко,
Без причины
 зачем-то защемило в груди.
То ли это
 последняя жизни загадка,
То ль предвестник загадок,
 что ждут впереди.
Защемило в груди,
 в небесах закружило,
Оглушило
 невиданною тишиной,
Может это нашлась
 златоносная жила,
Или счастье

замешкалось рядом со мной.
Странный вихрь
хороводов незримых событий,
Тех, где мы побывали,
и где не было нас,
Защемило в груди
и умчало в небытие
Не вчера, и не завтра,
а прямо сейчас.

* * *

Трудно стало
убивать время,
Приговаривать его
к смерти,
Трудно стало
убивать веру,
Трудно стало
ублажать смерчи.
Миг в стремлении
познать вечность,
Что ему
одной мечты сладость,

Стало трудно
 привечать встречных,
Стало трудно
 проявлять жалость.
Кружит юдоли земной
 бремя,
И кружением
 судьбу чертит,
Стало трудно
 убивать время,
Приговаривать его
 к смерти.

* * *

Еще заблудшие слова
Стихают понемногу,
Еще ревнивые ветра
Кружатся у порога,
Еще в тумане лунный свет
Струится водопадом,
А мы с тобой, забыв запрет,
Вдруг оказались рядом.
 А в лунном свете суета

Неведомого счастья,
А в лунном свете красота
Заветного причастья,
Вновь перепутала века
Проказница колдунья,
И ты как никогда близка
В разливе полнолуныя.

Ах, лунный свет,

твоих дорог

Неведомы секреты,

Ах, свет сомнений,

свет тревог,

Тебя ищу я, где ты.

Быть может сжалится судьба,

И даст нам

шанс в подарок,

Где только мы, да ворожба.

Туман.

Свечи огарок.

А в лунном свете суета...

* * *

Кто знает грань,

к которой мы бредем,
Нам неподвластно откровенье смуты,
Но даже в недопониманье сути
Мы насладимся сладостным дождем.
И будет день назавтра так хорош,
И ночь, и звезд невольное волнение,
И зимнее смятение порош,
И страждущей весны благоговенье,
И будет так, покуда не уйдем,
И будут с нами долгие минуты.
Кто знает грань, к которой мы бредем,
Нам неподвластно
откровенье смуты.

* * *

Окрасив буйством пастораль
Невинного каприза,
Любовь не пошлая мораль,
И не сеанс стриптиза.
Любовь не ведает границ
Возвышенного с телом,
И поражает из бойниц
Коварно и умело.

Любовь – безумие души,
Отчаянье природы,
Но бесконечно хороши
Блистательные восходы.

* * *

А говорила
– Все пройдет,
Забудется, сотрется,
И будет дел невпроворот,
Глядишь, и обойдется.

А говорила
– Жизнь проста,
И в ней нужна удача,
Глядишь,
и доживешь до ста

По мелочам судача.

А говорила
– Не тужи,
Другие ж не тужили,
И крепко-накрепко держи
Все то, что уронили.

А говорила

– Мил не мил,
А все же кто-то рядом,
Ну что с того,
 что не любил,
А может так и надо.
Все говорила.
 Жизнь текла.
Усталость прирастала.
Как страшно в жизни без тепла.
Без жизни.
 Без начала.

* * *

А первая линия -
 жизнь,
А дальняя линия –
 смерть,
Дистанции цепко держись,
Чтоб помнить об этом не сметь.
А первая линия –
 дождь,
А дальняя линия –
 снег,

где ты в нетерпении ждешь
Сквозь сердца стремительный бег.
А первая линия –
 взрыв,
А далее линии нет.
И слезы, зачем-то навзрыд,
И свет, ослепительный свет...

* * *

Бог ли создал тебя иль черт,
Не имеет уже значения,
Время стрелкой часов течет
Сквозь безвременье Откровения,
Не дает пустоте отчет,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.